

В.Г. Короленко

В голодный год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
В голодный год / В.Г. Короленко – М.: Книга по Требованию, 2015. – 384 с.

ISBN 978-5-517-99948-1

ISBN 978-5-517-99948-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

(Наблюденія и замѣтки изъ дневника).

Вмѣсто предисловія.

Въ концѣ февраля 1892 г., въ ясный морозный вечеръ, я выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода по арзамасскому тракту. Со мною было около тысячи рублей, отданныхъ добрыми людьми въ мое распоряженіе для непосредственной помощи голодающимъ, и открытый листъ отъ губернскаго благотворительнаго комитета, которому угодно было, съ своей стороны, снабдить меня порученіями, совершенно совпадавшими съ моими намѣреніями. Такимъ образомъ, при своей поѣздкѣ я предполагалъ совмѣстить двѣ задачи: наблюденіе и практическую работу. Для того и другого я,—какъ оказалось, очень наивно,—отвелъ себѣ одинъ мѣсяць...

Вмѣсто одного—три мѣсяца пришлось мнѣ провести въ уѣздѣ, не отрываясь отъ этой затягивающей работы, и затѣмъ опять вернуться туда, до новаго урожая... Теперь передо мною мелко исписанная книжка. Это — мой дневникъ, —факты, картины, мысли и впечатлѣнія, которыя я, усталый и порой глубоко потрясенный всѣмъ,

что доводилось видѣть и чувствовать за день, заносилъ вечеромъ, по старой профессиональной привычкѣ, въ эту истрепанную дорогую книжонку, гдѣ-нибудь въ курной избѣ, въ гостиницѣ уѣзднаго города, въ помѣщицкѣй экономіи. Возстановляя ихъ теперь, я надѣюсь, что они не лишены нѣкотораго интереса. Пусть это неполно, сбивчиво, необработано и нецѣльно. За то, — это прямое отраженіе той самой жизни, которая со всѣми своими парадоксами, проходила передъ моими глазами...

Я знаю, чего ждетъ читатель отъ корреспондента изъ голодныхъ мѣстностей, въ особенности отъ корреспондента-беллетриста: сгущенной яркой картины, которая сразу заставила бы его, городского жителя, пережить и почувствовать весь ужасъ голода, растворила бы его сердце, заставила бы раскрыться его кошелекъ... Я знаю умныхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ столицъ и съ удивленіемъ замѣчавшихъ, что, напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ на улицахъ не замѣтно никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы сразу догадаться, что это—центръ одной изъ голодающихъ губерній. Такіе же умные (безъ всякой ироніи) люди привозили изъ деревень въ Нижній-Новгородъ самыя противорѣчивыя и спутанныя извѣстія... Даже на мѣстѣ, въ волостяхъ, только привычный глазъ отличить по первому взгляду голодающую деревню отъ сравнительно благополучной. Ребятишки катаются съ горъ, на салазкахъ, курится надъ трубами жидкій дымокъ, въ окна глядятъ на проѣзжаго равнодушныя лица. А гдѣ же самый голодъ?

Я знаю, что прочитывая мои листки, читатель бу-

детъ, пожалуй, не разъ спрашивать съ такимъ же удивленіемъ: а гдѣ же голодъ? «голодъ, который долженъ потрясти, ошеломить вывернуть человѣка^а на изнанку? «Голодъ, это—когда матери пожираютъ своихъ дѣтей»,—писалъ еще недавно одинъ господинъ. При Борисѣ Годуновѣ матери, дѣйствительно, ѣли дѣтей: на базарахъ, по свидѣтельству историковъ, продавали порой человѣческое мясо; три женщины въ Москвѣ заманили мужика съ дровами во дворъ, убили его, разрубили на части и посолили... Вотъ голодъ!..

Съ этого времени мы прожили почти три столѣтія, но и тогда напрасно было бы подозрѣвать каждую мать въ пожираниі дѣтей, и не каждый мужикъ съ дровами подвергался опасности быть убитымъ и съѣденнымъ, а если бы тогда были корреспонденты, то и имъ пришлось бы отмѣчать эти факты не на каждомъ шагу, Человѣческое воображеніе устроено такимъ образомъ, что все исключительное, выходящее изъ ряда, запечатлѣвается въ немъ сильнѣе и ярче. Когда нынѣшнее бѣдствіе отодвинется въ прошлое, то, навѣрное, оглядываясь на него, мы увидимъ надъ общимъ уровнемъ мрачные памятники, символы, которыми народная память отмѣтитъ современную невзгоду. Дай Богъ, чтобы въ концѣ девятнадцатаго вѣка они не были такъ ужасны, какъ три вѣка назадъ. Надо, однако, помнить, что это именно только символы, траурные кресты, которыми отмѣчены крайнія грани бѣдствія, а главная масса народнаго горя, сущность явленія не въ нихъ. Поменьше свирѣпости, господа!.. Нужно, наконецъ, научиться признавать и видѣть народное горе и бѣдствіе тамъ, гдѣ ни одна мать не съѣла еще своего ре-

бенка... Я не имѣлъ несчастія присутствовать при агоніи голодной смерти и не намѣренъ нарочно разыскивать эти картины и терзать ими нервы читателя.

А голодъ, въ его настоящемъ значеніи, я все-таки видѣлъ и хочу рассказать здѣсь, что именно я видѣлъ, какъ люди голодали, какъ людямъ помогали или отказывали въ помощи, какія при этомъ возможны ошибки и отчего онѣ происходили...

Въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ, странствуя приблизительно тѣми же мѣстами, я случайный наблюдатель беллетристъ имѣлъ случай отмѣчать грозные признаки. Съ какою-то систематическою безпощадностью, которая невольно внушаетъ суевѣрную идею сознательной преднамѣренности и кары,— природа преслѣдовала человѣка. По изсыхающимъ нивамъ то и дѣло проходили причты съ молебнами, подымались иконы, а облака тянулись по раскаленному небу, безводныя и скупыя. Съ нижегородскихъ горъ безпрестанно виднѣлись кругомъ огни и дымъ пожаровъ. Лѣса горѣли все лѣто, загорались сами собою; огонь притаивался на зиму въ буреломахъ и тлѣлъ подъ снѣгомъ, чтобы на слѣдующую весну, съ первыми сухими днями, вновь выйти на волю и ходить пламенными кругами до новой зимы. Помню, какъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль изъ Нижняго видны были на горизонтѣ лѣснаго Заволжья огненные столбы въ вышинѣ, надъ густой пѣленой темнаго дыма. Днемъ дымъ клубился, какъ мглистое море, а ночью будто невидимыя руки подымали къ небу зажженные факелы...

Голодъ подкрадывался къ намъ среди этого зноя и дыма, среди этой засухи; онъ былъ у насъ, ходилъ

по деревнямъ уже два года, но мы его не замѣчали, потому что еще ни одна мать не съѣла своихъ дѣтей. Статистическое бюро губернской земской управы получило въ томъ году болѣе 740 корреспонденцій отъ мѣстныхъ жителей изъ селъ и деревень. Кромѣ обычныхъ рубрикъ для цифровыхъ отвѣтовъ, каждая карточка, посылаемая корреспонденту, имѣла еще значительное мѣсто для особыхъ отмѣтокъ. Листки вернулись обратно, сплошь покрытые «особыми отмѣтками» самаго мрачнаго свойства. Деревенская интеллигенція, независимая въ своихъ мнѣніяхъ по данному вопросу и не заинтересованная въ томъ, чтобы все казалось «благополучно», — первая почувяла надвигавшуюся грозу. Она не привыкла дѣлиться своими мыслями и опасеніями, не имѣя для нихъ привычнаго исхода. Когда всѣ 744 отвѣта были сведены въ одно цѣлое, получилось ужасающее изображеніе паденія хозяйства, промысловъ, инвентаря, а съ весны истекшаго года изъ подъ всего этого проглянулъ уже страшный обликъ настоящаго голода...

Вотъ картина, въ которой простодушная рѣчь одного изъ корреспондентовъ губернской управы, сельскаго священника, возвышается порой, подъ вліяніемъ приближающагося бѣдствія, до истиннаго одушевленія. Заполнивъ цифрами соотвѣтствующія рубрики карточки и обращаясь къ изображенію близко извѣстнаго ему быта, корреспондентъ пишетъ, между прочимъ:

«Въ заключеніе, по поводу недорода хлѣбовъ въ нашей мѣстности и лѣсныхъ пожаровъ, какъ священникъ проповѣдникъ евангельской истины, скажу слѣдующее: недородъ хлѣба ощущается третій годъ, идетъ

бѣда за бѣдой на обывателей земли за беззаконія. Явилась гусеница, ѣсть хлѣбъ саранча, ѣдятъ черви, доѣдаютъ жуки, погибла жатва въ полѣ, истлѣли зерна подъ глыбами земли, опустѣли житницы, не стало хлѣба. Стонетъ скотъ и падаетъ, уныло ходятъ стада воловъ, томятся овцы, нѣтъ для нихъ пажити... Милліоны деревьевъ, десятокъ тысячъ лѣсныхъ дачъ погорѣли. Огненная стѣна и столбы дыма были кругомъ. Кто виновникъ всего этого? Хотя сверкали полосы молній съ неба во время грозъ, но не жгли и не убивали...

«Слышится голосъ пророка (Софонія 1, 2—3): «Все истреблю съ лица земли, говоритъ Господь: истреблю людей, скотъ и звѣрей, истреблю птицъ пернатыхъ и рыбъ». И сколько погибло пернатога царства во время лѣсныхъ пожаровъ, сколько рыбы въ прудахъ отъ мелкой воды и отъ тяжести льда, а равно и отъ мочки мочаль»...

Остановившись на время, чтобы высказать нѣсколько совершенно основательныхъ соображеній по частному вопросу о мочкѣ мочаль въ прудахъ, корреспондентъ продолжаетъ опять въ прежнемъ тонѣ:

«Скрылись отъ предѣлъ нашихъ лоси, убѣжала куница, погибла бѣлка. Заключилось небо и стало мѣдяно, нѣтъ росы, пришли засуха и огонь. Погибли плодовые травы и цвѣты, нѣтъ ни малины, ни черники, ни клюквы, ни морошки, ни брусники, всѣ торфяники и болота выгорѣли и погибли.

«Землемѣрная вервь,—воскликаетъ онъ въ заключеніе,—куда ты идешь? Измѣрить долготу и широту пожарища-пустыни. Гдѣ ты, зелень лѣсная, свѣжесть воздуха, аромать бальзама сосноваго лѣса, которымъ исцѣлялись больные. Все погибло!»

Я привелъ эти выдержки, какъ чрезвычайно характерныя и рисующія настроеніе живого человѣка, въ душу котораго заглянулъ ужасъ надвигающагося бѣдствія. 744 мѣстныхъ жителя разнообразныхъ профессій, въ 744 почти единоголасныхъ отзывахъ нарисовали картину, впечатлѣніе которой обобщилъ авторъ цитированныхъ строкъ. «Что чувствую, то и говорю,— пишетъ онъ въ концѣ, вспоминая внезапно, что онъ не вѣтхозавѣтный пророкъ, а русскій безправный человѣкъ, подлежащій административнымъ воздѣйствіямъ и пишущій вдобавокъ на оффиціальному бланкѣ,— о чемъ спрашиваютъ, то и отвѣчаю: прошу за откровенное слово не подвергать меня отвѣтственности». Опасеніе на этотъ разъ, пожалуй, напрасное: то, что чувствовалъ авторъ отвѣта, чувствовали съ нимъ вмѣстѣ почти всѣ, кому доводилось видѣть въблизи нивы и деревни.

Замѣчательно единодушіе въ этомъ отношеніи, которое водворилось на короткое, впрочемъ, время. «Бѣдствіе ужасно, необходимы самыя широкія и быстрыя мѣры»—говорилъ съ необычнымъ одушевленіемъ въ губернскомъ собраніи предсѣдатель васильской уѣздной управы А. А. Демидовъ. Въ іюлѣ на экстренномъ уѣздномъ земскомъ собраніи въ Лукояновѣ необходимая цифра ссуды была исчислена въ 4.700.000 руб. (для одного уѣзда!) Я привожу эти два случая, какъ наиболѣе характеризующіе настроеніе того времени, когда «урожай 1891 года» былъ еще на поляхъ и всякій могъ его видѣть. Это печальное зрѣлище убѣждало всякаго. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, тотъ же предсѣдатель васильской управы, А. А. Де-

мидовъ, извѣстный мѣстный ретроградъ, возражалъ противъ всякой помощи съ той самоувѣренностью, которая присуща подобнымъ господамъ: «Господа! мы давно уже слышимъ это нытье и печалованіе о нуждѣ и грозномъ голодѣ. Мы слышали это уже и прошлой весной въ нашемъ уѣздѣ. Знаете ли, какъ мы распорядились (съ удареніемъ и разстановкой): не дали ни зерна, никто не умеръ, и поля оказались засѣянными». И вотъ, этотъ же самый чело-вѣкъ и въ той же залѣ самъ уже бьетъ тревожный набатъ, и теперь всѣ, конечно, вѣрятъ, что бѣдствіе идетъ ужасное, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, не всѣ поля оказались засѣянными и въ прошломъ году...

Да, это былъ какой-то испугъ. Чудовищную цифру въ четыре милліона слишкомъ для Лукояновскаго уѣзда высчитали и отстаивали въ земскомъ собраніи двое вліятельныхъ гласныхъ, земскіе начальники гг. Пушкинъ и Струговщиковъ. Нужно признаться, что статистическіе приемы гг. земскихъ начальниковъ были ребячески наивны. Признавъ полный неурожай, они отрицали наличность какихъ бы то ни было запасовъ, и потому могущихъ прокормиться собственными средствами считали не болѣе 1⁰/₀. На остальныхъ 99⁰/₀ населенія была разсчитана ссуда по 30 фунтовъ, прибавлены сѣмена, и вотъ передъ собраніемъ встала чудовищная цифра, отъ которой въ Нижнемъ пришли въ ужасъ. Къ счастью, губернская управа располагаетъ статистическими данными, болѣе точными, и статистическое бюро быстро свело размѣры лукаюновской нужды до болѣе благоразумныхъ предѣловъ (600 тысячъ). Интересно, однако, что первоначальныя тревожныя свѣдѣ-

нія энергично поддерживались земскими начальниками, съ уѣзднымъ предводителемъ М. А. Философовымъ во главѣ. Послѣдній, въ письмѣ своемъ къ начальнику губерніи, особенно подчеркивалъ «разстройство хозяйства и истощеніе запасовъ въ предыдущіе годы». «Можно безошибочно сказать,—писалъ онъ 1 іюня 1891 г.,—что, если помощь не придетъ своевременно, то, кромѣ голодной смерти, преступленій и пр. ожидать ничего нельзя» ¹⁾. Но еще интереснѣе, что тѣ же лица явились вскорѣ главными дѣятелями въ уѣздной продовольственной комиссіи, которая пріобрѣла такую извѣстность именно отрицаніемъ голода. И во главѣ ея выступилъ опять... тотъ-же Философовъ!

Жатва убрана, поля обнажены, «урожай» печально уѣхалъ на возахъ въ закрома, и земля ничего уже не говоритъ глазу. Не знаю правъ ли я, или нужно искать какихъ-нибудь другихъ, менѣе извинительныхъ мотивовъ,—но только съ этихъ именно поръ очевидность нужды и необходимость миллионовъ сразу замѣняются въ убѣжденіи земцевъ-дворянъ представленіемъ объ особенномъ благополучіи уѣзда. Поля убраны, ничтожная жатва свезена, цифра урожая закрѣплена въ свѣдѣніяхъ статистическаго бюро, обсуждена представителями земскихъ управъ (въ томъ числѣ лукояновской) признана единогласно въ губернскомъ собраніи (въ томъ числѣ лукояновскими гласными), предложена и принята въ уѣздныхъ продовольственныхъ комиссіяхъ,—и въ томъ числѣ опять въ лукояновской, сдѣлавшей съ своей стороны частныя замѣчанія, еще

¹⁾ См. журналъ Нижег. Продов. Ком. отъ 8 марта 1892 г.

усилившія безотрадную картину... Однимъ словомъ,—цифры урожая признаны всѣми компетентными учрежденіями въ губерніи...

Но къ этому времени совершенно неожиданно стали вновь раздаваться на Руси «резвые» голоса. программу которыхъ съ такой характеристичной краткостью формулировалъ одинъ изъ щедринскихъ героевъ: «ёнъ достанеть!». Читателю хорошо извѣстна эта нота по многоголосому хору ретроградской печати. Сначала, впрочемъ, она звучала довольно неувѣренно въ письмахъ (покойнаго нынѣ) Фета.

Въ октябрѣ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось первое письмо Фета, въ которомъ онъ дѣлился съ редакціей и съ публикой свѣдѣніями о мужикахъ той мѣстности, гдѣ находится его имѣніе. Оказалось, что «обычный пьяный разгуль» въ этомъ году превзошелъ прежніе годы, что кабатчики во всѣ стороны посылали на тройкахъ за водкой, такъ какъ обычнаго запаса въ этотъ годъ не хватило; что безобразія заставляютъ трепетать передъ возможностью пожаровъ, но,—что всего важнѣе,—инженеры (строющейся желѣзной дороги), «изготовивъ тачки и лопаты, предложили мѣстнымъ крестьянамъ работать по 23 рубля въ мѣсяць пѣшему и 35 рублей конному рабочему. Явились рабочіе, но на третій день сказавъ: «мы не каторжные», ушли съ работы, говоря: «я по міру отправлюсь и наберу рубль въ день, и лошадь накормлю, да еще и водочки выпью».

Это была какъ бы программа дальнѣйшей невѣжественно консервативной лжи по вопросу о голодѣ: вмѣсто голодающаго народа въ ней выдвигался образъ